

Синдром посредственности в России

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

ПОНАРС Евразии

Аналитическая записка No. 258

Июль 2013

Владимир Гельман

Европейский университет в Санкт-Петербурге/Хельсинкский университет

Многочисленные эксперты доказывают, что Россия является «нормальной» страной со средним уровнем социально-экономического развития. Иными словами, если бы ей ставили оценку по пятибалльной шкале, то Россия была бы твердой троечницей: не отличницей, как Финляндия или Сингапур, но и не двоечницей, как Зимбабве. Она оказалась бы где-то посерединке, за одной партией с Аргентиной.

Хотя многие выставили бы России последнего десятилетия такую оценку, она часто шокирует представителей образованных слоев населения России. В течение многих поколений государственная пропаганда, обоснованно или нет, внушала своим согражданам идею о том, что по многочисленным показателям СССР находится «впереди планеты всей». Позднее, во времена распада Советского Союза, страна вдруг ощутила себя «второгодником», а оценка роли России в мире поменялась на противоположную, получив знак минус. Как следствие, некоторые интеллектуалы начала 1990-х годов принялись отрицать вообще все достижения России за многие века ее существования.

Сегодня определение места и роли России во всемирном табеле о рангах стало болезненным упражнением для некоторых ее граждан – особенно для тех, кто претендует на роль властителей дум в своей стране. К примеру, Борис Акунин, выдающийся русский писатель и активный представитель оппозиции в период уличных митингов 2011-2012 гг., красноречиво сетует в своем популярном блоге о том, что Россия стала «страной периферии».

¹ Аналитическая записка подготовлен на основе статьи, ранее опубликованной в Интернет-издании Slon.ru.

Для многих россиян – как представителей элиты, так и простых граждан, осознание этого факта стало причиной болезненного разочарования и стремления доказать обратное. Они стали заложниками «синдрома посредственности», который способствует эскапизму и открытому отрицанию идей и ценностей «отличников». Они ждут чуда, которое, без приложения каких-либо серьезных усилий с их стороны, вернет Россию в разряд мировых лидеров. Этот синдром не способствует решению реальных проблем, с которыми сталкивается Россия.

В поисках вариантов «ухода»

Подобно выходцам из аристократических семей, Россия всегда заботилась о поддержании своего статуса и престижа. Вот почему реакцией многих россиян (и не только представителей элиты) на многочисленные вызовы сегодняшнего мира и понижение роли России в мире стало разочарование и отчуждение, которые проявляются не в бурной активности, а в обидных словах. В начале 1990-х годов Майкл Буравой обозначил эту реакцию на постсоветскую трансформацию России как «инволюцию». Еще в 1970 году Альберт Хиршман ввел термин «уход» («выход»), который он противопоставил активному протесту («голосу»). В то время как Россия занимает среднее (а порой и значительно более низкое) место в мировой иерархии социально-экономического развития, верховенства права, науки и образования, россияне практикуют множество вариантов стратегии «ухода». Причем это особенно характерно для тех, кого отнюдь нельзя назвать «троечником» на фоне российского интеллектуального пейзажа. Большинство пожилых, необразованных и обедневших обитателей небольших российских городов, поселков и деревень мало волнуют экзистенциальные проблемы, не говоря уже о позиции России в глобальной иерархии. Однако большие надежды образованных и относительно благополучных обитателей больших городов сталкиваются с суровой глобальной реальностью, и это столкновение происходит по-разному. Поэтому нет ничего удивительного в том, что российская элита, а также заметная часть образованного населения в той или иной форме стали жертвами синдрома посредственности, который чаще всего проявляется следующим образом:

- 1) Эскапизм, ориентация на поиск ложной (и/или воображаемой) альтернативы нынешнему положению вещей,
- 2) Откровенное и демонстративное отрицание идей и ценностей, привнесенных на российскую почву «отличниками» с Запада (а также с Востока);
- 3) Попытки найти или изобрести чудодейственную панацею, которая позволила бы России догнать и перегнать иностранных соперников и гордо предъявить свои претензии «здесь и сейчас», а то и «раз и навсегда», не прилагая при этом никаких особых усилий.

В определенном смысле, приметы потенциальной эмиграции среди российского среднего класса – например, активные инвестиции в изучение их детьми иностранных языков, также могут рассматриваться как форма «ухода»: так

троечник пытается перевестись в другую школу в надежде стать отличником на новом месте.

К первой группе относятся те, кто не причиняет проблем окружающим, но впустую растрачивают свой потенциал. Значительное количество российских ученых, мыслителей и ведущих деятелей СМИ прекрасно осознают низкую конкурентоспособность своей страны на постоянно меняющемся глобальном рынке интеллектуального труда. Благодаря своему роду деятельности (порой – довольно экзотичному) им удается сохранить за собой определенное влияние, статус и финансирование. Они напоминают одиноких тихоней-троечников, которые вместо того, чтобы сделать домашнее задание, тратят время на бесполезные и не сопряженные с риском занятия, типа компьютерных игр. В своих умозрительных нишах они воссоздают великое российское прошлое: от возрождения устаревших православных доктрин до вытаскивания на свет замшелых концепций типа «Москва – Третий Рим». Такие тенденции типичны не только для закоренелых реакционеров, но и для некоторых интеллектуалов, которые в прошлом высказывали интересные идеи, но теперь копят небо своими маргинальными и провинциальными взглядами. Эскаписты часто обосновывают свои рассуждения ссылками на великое прошлое России, хотя по сути дела их доводы очень напоминают исторические инсценировки давних событий, когда любители старины надевают на себя рыцарские доспехи (а некоторые настолько входят в роль, что носят старинные одеяния и в повседневной жизни). Но даже самые упертые из мыслителей этой категории осознают, что их идеи обречены влачить жалкое существование в небольшом и почти забытом интеллектуальном гетто.

Второй, более активной и агрессивной формой проявления синдрома посредственности является откровенное и демонстративное отрицание того, что в горбачевскую эпоху получило название «новое политическое мышление». Хотя за последние четверть века западные ценности и институты были признаны в России как нормативные ориентиры будущего страны, иные мыслители игнорируют эту точку зрения. Так троечники любят подшучивать над отличниками, демонстрируя им свое бесшабашное невежество. Обвинение Запада в реальных или воображаемых грехах стало популярным времяпровождением не только в проправительственных СМИ, но и среди некоторых независимо мыслящих интеллектуалов. Зачастую они соревнуются друг с другом в том, кто громче выразит свое отвращение по поводу политкорректности, прав меньшинств, но особенно – самого страшного врага общества, именуемого «либерализмом». Но у этой альтернативы есть одна проблема. Не только «презренный» Запад не обращает внимания на эти мрачные тирады, но и общественность, которой главным образом они адресованы, по горло сыта теориями заговора и ничем не подтвержденными претензиями на то, что эти взгляды представляют мнение большей части российского общества.

Более того, эти анти-западные крестоносцы не сумели предложить никакой сколько-нибудь жизнеспособной альтернативы «посрамленным» западным

ценностям и институтам. Несмотря на вездесущность доводов об уникальности России, которые служат оправданием разговоров о необходимости защищать ее от внешнего влияния в политике, культуре и образовании, они не в состоянии предложить позитивные идеи, отличные от идей «ненавистного» Запада. По сути дела, яростная критика западных идей и институтов напоминает бунт на коленях: даже самые закоренелые критики Запада предпочитают ездить на «Мерседесе» (или, по крайней мере – на «Тойоте»), разговаривать по айфонам от «Apple» (или хотя бы – по смартфонам от «Самсунга»), и отправлять учиться детей и внуков в Оксфорд (ну, на худой конец – в Гарвард). Поэтому на деле эта неумемная анти-западная пропаганда имеет ограниченное влияние, напоминая до некоторой степени похожую (и столь же бесполезную) пропаганду позднего советского периода. И наконец, следует отметить, что хотя троечники порой и напоминают второгодников, их не следует объединять в одну категорию: если последние просто не хотят и/или не могут учиться, то первые, скорее, подражают им, но их неустранимая зависть к отличникам не исключает вероятности того, что они втихомолку будут тянуться за лидерами.

Третью категорию характеризует подростковая компенсаторная реакция троечников, которая зачастую проявляется в демонстративной браваре: они идут на нелепые поступки, чтобы доказать другим школьникам свою «крутизну», независимо от того, как это выглядит со стороны, и каковы будут последствия их поступков. Хорошо известна восходящая к XVIII веку российская традиция потемкинских деревень. Сегодня она проявляется в проведении таких крупных мероприятий глобального масштаба, как Зимние Олимпийские игры 2014 г. и Чемпионат мира по футболу 2018 г. В более широком смысле эта практика характерна не только для демонстративного потребления предметов роскоши, свойственного некоторым российским предпринимателям, но и для демонстративного потребления статусной интеллектуальной продукции, свойственного образованным слоям российского общества. Последнее явление типично для троечника, который хочет стать отличником путем приобретения атрибутов высокого общественного статуса. Например, находящиеся на содержании российских властей «неправительственные организации» проводили в Ярославле Мировой политический форум, на который приезжал не только прежний президент Дмитрий Медведев и премьер-министр Италии Сильвио Берлускони, но и интеллектуальные звезды мирового масштаба, такие, как известный своей критикой глобального капитализма Нобелевский лауреат Пол Кругман. Этот форум претендовал на то, чтобы служить российским эквивалентом Всемирного экономического форума в Давосе. Аналогичным образом Кремль патронирует Институт демократии и сотрудничества, асимметричный российский Freedom House и другим международным организациям, занимающимся продвижением идей демократии. У российского института есть два отделения – в Париже и Нью-Йорке, которые занимаются мониторингом нарушений прав человека в Европе и США. Однако эти немалые усилия приносят весьма скромные результаты. Попытки выявить нарушения прав

человека на Западе свелись к второразрядным публикациям, цитирующим документы западных неправительственных организаций, а, по мере уменьшения роли Медведева, был исчерпан и потенциал ярославского форума.

Конечно же, не все претензии российских властей на лидирующую роль в мире совершенно напрасны. Некоторые усилия, направленные на повышение статуса страны, могут принести и положительные результаты. К примеру, программа по продвижению пяти ведущих российских университетов в сотню наиболее престижных учебных заведений в мире способствует росту инвестиций в академическую инфраструктуру, а также международному признанию некоторых российских ученых. Однако масштабы этих инноваций, а также их воздействие на весьма потрепанную российскую систему высшего образования остаются неясными.

Некоторые шаги могут принести материальные и не-материальные блага тем, кто предлагает различные варианты «ухода» для России. Но как долго они продержатся, остается под вопросом. «Нельзя обманывать весь народ все время», говорил Авраам Линкольн. Но и самообманом нельзя заниматься все время. Проще говоря, попытки без особых усилий перевести Россию из разряда троечников в категорию отличников в международном табеле о рангах обычно не имеют под собой никакой основы и плохо продуманы. Скорее всего, они обречены на то, чтобы стать несбывшимися обещаниями.

Аргентина Северного полушария?

Россия – не единственная страна, которая, утратив роль мирового (или регионального) лидера, пытается определиться со своим местом в мире. К примеру, Франция занимается продвижением своей культуры, достижения которой (такие, как искусство, кино и кухня) признаны во всем мире, что в определенной степени является достойной формой компенсации за ее утраченное величие. Что же до опыта других стран среднего уровня развития, то ближайшим аналогом сегодняшней России может стать Аргентина, которая стремительно развивалась в начале XX века. Потом началась полоса кризисов и неудачных диктатур (и столь же неудачных демократических правительств). В конце концов, она утратила роль лидера даже в регионе, уступив ее более динамичной Бразилии. Потребовалось несколько десятилетий на то, чтобы Аргентина свыклась со своей новой ролью, и это оказалось совсем непросто.

Дальнейшее усугубление синдрома посредственности в России будет почти автоматически способствовать сохранению вышеупомянутых патологий, что еще больше затруднит поиски выхода из интеллектуальной ловушки. Если нынешнее положение вещей сохранится в течение продолжительного времени, а другие одноклассники при этом будут двигаться вперед, то не будет ничего удивительного в том, через 20 лет место России в мире будет определяться где-то между Восточной Европой и западным Китаем. Более того, за пределами региона это вообще мало кого будет волновать: ведь проблемы Аргентины очевидны лишь латиноамериканцам, а остальной мир не уделяет им почти никакого внимания.

Но есть ли какое-то другое решение для синдрома посредственности для страны-троечницы? В конце концов, большинство троечников не являются посредственностями во всем. У них есть любимые предметы в школе, и в некоторых областях им удается добиться крупных успехов. Из подростка, который обожает дельфинов, но не любит читать Толстого и Достоевского, может вырасти прекрасный морской биолог. Молодой музыкант, который не в состоянии выучить таблицу умножения, в один прекрасный день может стать исполнителем в оркестре мирового класса. (В конце концов, несмотря на неудачи, обрушившиеся на Аргентину, она подарила миру танго, Хорхе Луиса Борхеса, Хулио Кортасара и Диего Марадону.)

Идет ли речь о школе или же о месте страны в мире, признание статуса троечника дает шанс на честную самооценку, которая может привести к тщательному отбору предметов, которыми стоит систематически заниматься и достичь мастерства в этих нишах. Несмотря на тот факт, что многие россияне согласны с тем, что их страна – троечник, в большинстве случаев это признается на словах, но не на деле: после такого признания не следуют никакие серьезные шаги ни на уровне государственной политики, ни на уровне отдельных личностей. Тот факт, что России поставили в таблице оценку ниже среднего, не означает, что она бесполезна и что у нее нет будущего. Это означает, что ей нужно найти свои ниши, в которых она могла бы успешно применить свой все еще нереализованный потенциал.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org